

18+

Александр Лукьянов

Снежинка

Рассказы и байки

Александр Лукьянов

Снежинка. Рассказы и байки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69252334

ISBN 9785006005013

Аннотация

В рассказах описываются реальные события. Жизненные ситуации заставляют нас делать выбор, который может перевернуть нашу жизнь. Поступки, которые мы совершаем, порой нелогичны, но идут от самого сердца. Большинство рассказов автобиографично. Каждый рассказ, как былина или сказка, заставляет задуматься о том, что хорошо, а что плохо, о добре и зле, о правде и лжи. А в конечном итоге понять, что такое счастье и в чём смысл жизни.

Содержание

Рассказы	5
Снежинка	6
Детский сад	11
Приключения в деревне	26
Секрет	41
Маленькое государство	57
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Снежинка

Рассказы и байки

Александр Лукьянов

© Александр Лукьянов, 2023

ISBN 978-5-0060-0501-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Эпиграф

Мы с детства до преклонных лет

В счастливый мир, как в сказку, верим.

До счастья не купить билет.

Оно само стучится в двери.

Снежинка

Опять порывистый холодный ветер дул в окно. В комнате стояли десять кроватей, на которых, съёжившись, спали маленькие девочки. Одна из них лежала под байковым одеялом, смотрела в чёрное окно и думала:

– Наконец-то все девочки уснули. Наверно устали от Новогоднего праздника с настоящей зелёной ёлкой из леса. Дед Мороз и Снегурочка тоже были настоящими.

Однако с тех пор как три года назад она узнала, что на свете живут её мама и папа, все её мысли были только о том, чтобы их найти. Или, чтобы они нашли её.

Почему девочки прозвали меня Снежинкой? Может быть, потому что я такая же тоненькая и бледная? Может быть, потому что у меня белокурые волосы, которые торчат во все стороны, когда я просыпаюсь утром? А, может быть, потому что я люблю зимой вырезать белые снежинки из листов бумаги, которую нам выдают на уроке рукоделия?

Опять порыв ветра стукнул в окно так, что стёкла тихо и жалобно задрезжали. Девочка вытащила из тумбочки стопку аккуратно сложенных бумажных снежинок. Три самые красивые снежинки она наклеила на стекло окна. Девочка размечталась:

– Не может быть, чтобы желания в Новогоднюю ночь не исполнялись! Вот уже третий год я хочу, чтобы нашлись

мои родители. Хотя бы одним глазком увидеть мою маму. Какая она? Наверно, белокурая, как и я. Наверное, от неё будет пахнуть изысканными духами. У неё добрые, весёлые, голубые глаза с морщинками от смеха в уголках, высокий лоб и алые, всегда улыбающиеся губы. Я подбегу, зарююсь лицом в складках платья и крепко-крепко прижмусь к ней. Если человек очень чего-то хочет, то его желание обязательно должно исполниться! Главное сделать всё, что я задумала в эту новогоднюю ночь!

Девочка села на кровать, взяла снежинки, встала и подошла к окну. Тихо пододвинув стул, забралась сначала на него. Потом со стула перебралась босыми ногами на высокий холодный подоконник. Вытянувшись в струнку, с трудом открыла форточку. Встала на цыпочки и с силой бросила свои снежинки на улицу. Порыв ветра поднял их всех и унёс в тёмную даль. Стуча зубами от холода, девочка стала быстро шептать придуманное волшебное заклинание:

Лети, лети, снежинка,
На запад и восток!
Лети, лети, снежинка,
Лети через мосток!

Лети, лети, снежинка,
На север и на юг!
Лети, лети, снежинка,
Среди холодных выюг!

Лети, лети, снежинка,
И радостно блести!
Лети, лети, снежинка,
До мамы долети!

Потом она соскочила с подоконника, поставила стул на место и забралась под тёплое одеяло. С чувством выполненного долга девочка закрыла глаза и счастливо улыбнулась.

В их детдоме белокурая молодая женщина появилась неожиданно. В сопровождении директора она вошла к девочкам в спальню. Все девочки встали рядом со своими кроватями. В окна спальни врывались утренние солнечные лучи, которые весело играли на стенах спальни и лицах девочек. Женщина улыбнулась и внимательно посмотрела вокруг себя. Вдруг её как бы пронизало током. Рядом с одной кроватью она увидела окно, на котором были наклеены красивые снежинки, и худенькую девочку. Её большие глаза так умоляюще и призывно смотрели на красивую гостью, что она непроизвольно и в большом волнении подошла к кровати и спросила:

– Девочка, как тебя зовут?

Девочка растерялась и ответила:

– Снежинка.

Девочки вокруг захихикали.

Женщина пристально смотрела на девочку и молчала.

Каждое утро по расчищенной от снега дорожке, проходящей через скверик около детдома, она торопилась в больницу, где работала медсестрой. Её взгляд случайно упал на голые ветки кустов, растущих вдоль дорожки. Приглядевшись, она увидела искусно вырезанную из бумаги снежинку. Снежинка так ей понравилась, что она бережно положила её в сумочку. Десять лет она прожила с мужем, но Господь не дал им детей. Ей в голову всё чаще приходили мысли взять ребёнка из детского дома. Наконец, судорожно сглотнув воздух от волнения, но стараясь выглядеть спокойной, женщина сказала:

– Какое замечательное новогоднее имя! Снежинка, это твои снежинки?

Девочка смутилась и тихо ответила:

– Да, мои.

– А ты знаешь, что сказала мне вот эта снежинка, когда я нашла её на кустике?

Женщина вытащила из сумочки бумажную снежинку, которая была как две капли похожа на снежинки, приклеенные к стеклу. Глаза у девочки заблестели:

– Нет.

– Она сказала мне, что если я найду девочку, которая её вырезала из бумаги, то она будет моей дочкой! Вот я и нашла тебя!

Девочка кинулась к белокурой женщине и крепко обняла её. Вместо дорогих духов от неё пахло лекарствами, йодом

и, наверное, валерьянкой. Но какое теперь это могло иметь значение, если это её мама. Настоящая мама, как Дед Мороз, который приходил к ним в детский дом на Новогодний праздник! На душе девочки стало радостно и умиротворённо. Из её глаз потекли слёзы. Вдруг она подумала:

– Значит, это правда, что желания, загаданные в ночь на Новый год, сбываются?

Детский сад

Мои родители работали на Московском заводе малолитражных автомобилей. Папа всегда называл завод сокращённо: МЗМА. Я гордился тем, что папа испытывает автомобили, и считал, что он водитель-испытатель. Мама занималась каким-то учётом. Я не очень понимал, чем именно. Меня же отдали в заводской детский сад на пятидневку, потому что моя бабушка Лена, мама моей мамы, умерла, когда мне было полтора года, и со мной некому было сидеть. Утром в понедельник меня отвозили в детский сад, а в субботу, как правило, после обеда, меня из детского сада забирали.

В детском саду мне всегда было интересно. Там у меня были друзья Олежек, Илюша и Витя, с которыми я никогда не расставался. Олежек был такой же белобрысый мальчишка, как и я. Только его подстригали наголо, я мне мама всегда оставляла чубчик. Олежка был поменьше меня ростом, коренастенький.

Илюша был такой же, как и я, худой и тоже подстригался «под чубчик». В зимнее время у Илюши всегда на верхней губе были сопли. Он периодически их вытирал, но сопли текли опять. У меня в холодную погоду тоже нос всегда был забит, но не соплями, а козюльками. Я их также старался высморкнуть, но это было бесполезно, потому что они тут же появлялись опять. Я не мог дышать носом и уже при-

вык к этому.

Витя был полным мальчиком. У него была сестра, которая тоже ходила в нашу группу. Когда мы с Олежкой задумывались о нашей будущей женитьбе, то всегда завидовали Вите, потому что у него уже была невеста, его сестра, а нам надо было ещё невест поискать.

Зимой нашим любимым занятием было строить крепость из снега. Это занятие всегда проходило весело и интересно. Чтобы наши варежки не терялись, их пришивали к резинке. Резинку просовывали из рукава в рукав. Варежки свободно болтались, высовываясь из рукавов, когда я их снимал, но никогда не терялись. Если снег был липким, то мы катали снежные шары и складывали из них крепость. Если снег был не липким, то мы просили у дворника большую металлическую лопату с толстой-претолстой деревянной ручкой и вырубали из плотного снега снежные кирпичи, из которых складывали стены крепости. Лопату держали вдвоём, а третий изо всей силы бил по ней ногой, чтобы воткнуть её поглубже в снег. Когда снежный кирпич получался толстым, мы искренне радовались удаче. При этом все очень хвалили того, кто в нужный момент надавит на черенок лопаты, чтобы отковырнуть толстый пласт снега. Мы трудились, не покладая рук, и уже через полчаса все были мокрыми от напряжения. Особенно наши головы, которые были завернуты в платки под меховыми шапками. Белые платки промокали насквозь. Мы даже расстёгивали шапки, чтобы проветрить-

ся. А иногда и снимали их. Тогда с наших мокрых головок шёл пар и мы немного остывали. Когда было уж очень жарко, то мы ели снег. Наберёшь полный рот снега, немного сдавишь его, и получается такая холодная конфетка, которую начинаешь сосать, пока она не исчезнет. При этом мне казалось, что у снега есть какой-то особенный, свой вкус. Отдохнув таким образом, мы снова продолжали строить крепость, пока нас не звали обедать.

А ещё нам нравилось смотреть, как строители строили огромный-преогромный кирпичный дом рядом с нашим детским садом. Территория детского сада была огорожена высоким металлическим забором из прутьев. Мы вставали на перекладину внизу забора, держались за эти прутья и заворожено смотрели, как каменщик ряд за рядом кладёт светло-коричневые кирпичи. Большой дом рос на наших глазах. Каждый день он вырастал на пол этажа. Когда мы строили крепость из снежных кирпичей, то мы знали, как их надо класть, чтобы стена не рухнула.

С другой стороны, за забором была голубятня. Мы также забирались на забор и долго смотрели, как большие мальчишки ухаживали за голубями, кормили и поили их, выпускали полетать. На голубятне в основном были белые голуби, но попадались и голуби с коричневыми перьями. Особенно мне нравился белоснежный голубь со шпорами из перьев. Он, наверно, чувствовал свою исключительность и важно ходил по клетке. Когда клетка открывалась, все голуби выпар-

живали в небо. Ребята свистели. Мы свистели тоже. Илюша умел свистеть сильно, сложив определённым образом свой язык. Он даже показывал мне, как надо его складывать, но у меня так не получалось, и я расстраивался. Но полёт голубей заставлял меня забывать всё на свете. Задрав голову, я долго следил за кругами белой стаи голубей над голубятней и детским садом. Потом воспитательница звала нас ужинать.

Никто не следил за тем, как я ем. Я мог не есть суп, если в нём была варёная капуста и не любил все варёные овощи, кроме картошки. Картошку, наоборот, я просто обожал. И если на ужин давали варёную морковь или свеклу, то я мог остаться полуголодным. Правда, хлеба всегда было вдоволь. Я также, как и мой папа, любил есть чёрный хлеб, особенно, если его посолить. Украдкой я клал кусочек чёрного хлеба себе в карман, который был у меня впереди на синих штанишках с двумя помочами. Наверно ужин был рано, потому что до сна я успевал проголодаться. Тогда я с удовольствием съедал этот кусочек солёного хлеба, который казался мне очень вкусным. Иногда под вечер, проголодавшись, мы вчетвером приходили на кухню и сердобольная повариха кормила нас гречкой, если она оставалась от ужина.

Каждую среду после работы ко мне приезжала мама. Она привозила фрукты: апельсины, яблоки или груши, ранней осенью персики или абрикосы. Один апельсин я съедал сразу. Остальные фрукты мама убирала в тумбочку рядом с моей кроватью. Мама наказывала мне есть фрукты каждый

день. Я старался выполнять её указания, но не помню, чтобы я ел фрукты каждый день. По-моему, они куда-то исчезали. Но я не особенно жалел по этому поводу, так как у меня были другие интересы, гораздо более важные.

Среда была для нас, как родительский день. Иногда, ранней осенью или поздней весной, я с мамой и Олежка со своими родителями шли на лодочную станцию. Там папа Олежки брал лодку и катал нас по пруду. Наши мамы шли по берегу и махали нам руками. Какое это было счастье, кататься на лодке! Мы с Олежкой иногда брызгались и смеялись. Такие совместные поездки только укрепляли нашу дружбу.

Одним из моих самых увлекательных дел было рассматривать то, что находилось под камнями. Если я вдруг видел большой камень, лежащий на земле, то стремительно бежал к нему, садился на корточки и отворачивал камень. Для меня сразу же открывалось какое-то необыкновенное, сказочное царство. Я забывал про всё на свете и внимательно разглядывал открывшийся для меня мир. Всё пространство под камнем было испещрено многочисленными ходами и маленькими норками, как будто это было большое поселение загадочных существ. Прежде всего я смотрел, есть ли жуки. Так как они ползали очень быстро, то надо было успеть схватить жука до того, как он уползёт в норку под землю. Жуки были разные. Конечно, я считал за удачу, если попадётся крупный жук. Чем больше жук, тем больше была моя радость. Я уже знал такой вид жуков, как жужелица. Ещё мне нравились

чёрные жуки со спинками, которые переливались на солнце всеми цветами радуги. Правда эти жуки были небольшие и быстро бегали, но я всё равно их ловил. Я приноровился хватать жуков за спинки и рассматривал их лапки и челюсти. В кармане у меня всегда был пустой коробок из-под спичек. Я сажал жука в коробок, чтобы потом показать своим друзьям. Под камнем я также видел разных червячков, которые тоже пытались спрятаться под землю. Но червячков я не трогал, они мне были неинтересны. Меня привлекали причудливые узоры из растений, которые под камнем были жёлтого или белого цвета. Насмотревшись вдоволь, я с сожалением уходил. Глаза же мои продолжали искать другой большой камень. На огороженной территории детского садика все камни не раз были перевёрнуты, и я искал случая перевернуть камни за его территорией, когда ко мне приезжала мама.

Однажды случилась неприятность. Отвернув в очередной раз камень, я увидел огромного, неизвестного мне жука. С большой радостью я схватил его за спинку и, повернув к себе лапками, стал рассматривать. Жук упирался своими коленками и пытался вырваться. Я сдавил его чуть сильнее. Неожиданно для меня жук брызнул мне в лицо какой-то жгучей жидкостью. Часть жидкости попала мне в глаза, я громко заорал, потому что в глазах стало щипать. Я машинально бросил жука и побежал к воспитательнице, чтобы она промыла мои глаза водой. К счастью, всё обошлось без серьёзных последствий. После этого случая я уже с опаской

и на расстоянии рассматривал больших жуков.

Иногда ребятам из нашей группы приходилось выяснять кто сильнее. Мы не дрались, а боролись. Боролись просто так без всякой причины. Если у меня получался захват шеи противника, то я тянул его к земле, и он просил пощады. Если захват делали мне, то просил пощады я. Таким образом я знал кого из нашей группы могу победить, и кто может победить меня. В нашем разговоре с ребятами это называлось «дать по шее». Один раз я рассказал маме, что дал по шее Илюшке. С тех пор мама иногда спрашивала меня, кому я могу дать по шее. Я начинал перечислять имена мальчишек и чувствовал, что мама довольна, что я не самый слабый ребёнок в группе.

Ещё мы договаривались играть в игру «замри». Например, входит Олежек в игровую комнату, где каждый из нашей группы занят своим делом, и кричит: «Замри!» Все замирают. Ни единого движения. Нельзя даже моргать, если, конечно, Олежек не увидит. Олежек выбирает кого-нибудь в «жертву» и начинает его смешить. Он строит разные рожицы, выделывает смешные кренделя-движения. Копирует позы, в которых застал свою «жертву». Наконец, «жертва» начинает хохотать, и все знают, кто будет водить в следующий раз.

Когда мне изредка мама приносила абрикосы, и я их быстро съедал, у меня оставались абрикосовые косточки. Абрикосовых косточек мне было не жалко, и я щедро делился ими

со своими друзьями. Когда же им приносили абрикосы, то они делились косточками со мной. Из абрикосовых косточек мы научились делать свистки. Во дворе детского сада была заасфальтированная площадка для въезда грузовой машины с продуктами для кухни. Мальчишки собирались на этой площадке, старательно и аккуратно стачивали край косточки об асфальт. Через маленькое отверстие мы гвоздиком выковыривали зёрнышко и съедали, что было очень вкусно. Самое же главное было в том, что после этого из косточки получался великолепный свисток. Мы соревновались у кого свист громче и музыкальней, то есть, какое количество звуков каждый сможет выдуть. Когда абрикосовых косточек не было ни у кого, и кому-то случайно удавалось найти хоть одну косточку на земле, то все считали, что ему очень повезло, потому что он полакомится зёрнышком внутри, а потом можно сделать отличный свисток, которого ни у кого не будет.

У меня с детства был низкий голос. На утренниках или более значимых праздниках, таких как Новый Год, под руководством воспитателей мы разыгрывали разные сценки. Я всегда играл медведей или волков. Один раз мне даже поручили играть дворника. Мне дали настоящую метлу, одели фартук и приклеили бороду. Я подметал «улицу» и пел песню. Почему-то все не только хлопало, что было бы естественно, но и смеялись. Я знал много детских стихотворений, которые с удовольствием читал наизусть. Однажды, когда в очередные выходные меня привезли домой, я запел по-

пулярную песенку. Мама очень удивилась, что я её знаю. А дело всё в том, что у нас появилась новая молодая воспитательница, которая научила нас современным песням. Особенно мне нравилась песня «Ландыши». Я очень увлечённо пел её, но вместо слов «белый букет» пел «целый букет» и все мои родные мама, папа, тётя Аня и дядя Лёня отчего-то этому очень радовались.

У меня был дедушка Ваня, мамин папа, и бабушка Даша, мачеха моей мамы. Дедушка был на пенсии, но был бодр, здоров и ходил на работу. Он работал истопником в котельной по ночам. Днём он был свободен и почти всегда рано утром в понедельник отвозил меня в детский сад. От нашего дома до детского сада ходил автобус. Но ехать нужно было девять остановок. В автобусе диван около кабины водителя был от окна до окна. Я вставал на колени на этот диван и смотрел вперёд через кабину водителя на дорогу. Дедушка загоразивал мои грязные подошвы ботинок мешком с моей сменной обувью, чтобы я не запачкал набивавшихся в автобус людей. Для меня эта поездка в детский сад была настоящим приключением. Во-первых, я видел дорогу впереди автобуса, во-вторых, я мог наблюдать за действиями водителя. Водитель крутил руль, двигал рычагом и нажимал на клавишу, чтобы открывать и закрывать двери автобуса. Я изучил все его движения. Кроме того, справа от водителя лежали автобусные талоны и жестяная банка для денег. На остановке над моей головой за ручку отодвигалось стекло, и просовы-

валась рука с деньгами от какого-то пассажира. Водитель отсчитывал сдачу и возвращал её вместе с билетами за проезд. А самое главное, на остановке он брал микрофон и объявлял, какая будет следующая остановка. Микрофон хрипел, но все слова были отчётливо слышны. С некоторым сожалением я выходил из автобуса следом за бабушкой. Стоило мне оказаться в детском саду, я с нетерпением сбрасывал с себя верхнюю одежду и нёсся к своим товарищам, напрочь забывая о бабушке. Но однажды всё случилось по-другому.

Я уже знал, что если к нам приходят гости, то будет накрываться стол. На нём будет много вкусной еды, а может быть даже пирожные или торт. Или, если мы ездили в гости к бабушке Капе, папиной маме, то накрывали стол для нас. И если я замечал, что на столе нет варёной картошки, то всегда требовал её сварить и принести. Особенно я любил есть картошку с кусочком селёдки и порезанными на неё кольцами лука. Поэтому, когда однажды бабушка с бабушкой стали наряжаться, чтобы поехать в гости к сестре бабушки, я обрадовался. Это было утро понедельника. Уверенный, что мы едем в гости, пусть даже на том же самом автобусе, который идёт в детский сад, я был очень счастлив. Но когда мы подошли к детскому саду, и мне сказали, что меня там оставляют, я от обиды заревел. Давно я так не плакал. Это был единственный раз, когда я не хотел идти в детский сад. Обрушились все мои надежды, радостные ожидания праздника, который должен был быть в гостях. Но я не могу долго

держат обиду в себе. И скоро я об этом забыл.

Как-то раз за обедом, когда нам раздали по сосиске, я потребовал горчицу, потому что уже успел её попробовать у кого-то в гостях. Воспитательница очень удивилась и сказала, что горчицу я буду есть дома, а не в детском саду. Потом воспитательница рассказала о моём требовании маме. Дома я услышал, как мама рассказывала тёте Ане о горчице, и они смеялись.

Самым радостным днём недели в детском саду для меня была суббота. Как правило родители за детьми приезжали после обеденного «тихого часа». Дедушка Ваня приезжал за мной почему-то всегда во время «тихого часа». Он бесцеремонно проходил к спальне, открывал дверь и громко говорил: «Санёк, вставай, пора домой!» Я быстро вскакивал, одевался, заправлял постель и бежал к дедушке. Конечно, своим громким голосом он будил других детей, но он не обращал на это внимания. Потом, к моей большой радости, воспитательницы уже догадались не укладывать меня спать после обеда. И я ждал дедушку в игровой комнате. Опять на автобусе мы ехали с ним домой, но обратный путь казался мне гораздо короче.

Однажды, когда я был на выходных дома, я заболел. Мама вызвала врача. Наверное, врач не нашёл ничего серьёзного, но посоветовал побыть день-два дома. Мама не отправила меня в понедельник в детский сад, так как дедушка и бабушка были дома. Я сидел дома, скучал и под вечер решил пой-

ти погулять. Дедушка гулять мне не разрешил и сказал, чтобы я сидел дома и ждал маму, потому что она должна скоро прийти с работы. Я этому очень удивился, потому что думал, что также, как и я, мама работает целыми сутками и домой вечером не приходит, то есть приходит, но только один раз на рабочей неделе, в среду. Я очень обрадовался, когда мама и папа пришли вечером домой с работы в понедельник.

Каждое лето наш детский сад на автобусах переезжал в Подмосковье на реку Лопасня. Здание детского сада стояло в лесу. Вокруг огороженной территории росли высокие-превысокие деревья, в основном ели и дубы. Прогулки в лес были очень интересны. Зайдёшь с опушки вглубь леса несколько шагов и остановишься от многообразия впечатлений. Глаза начинают разбегаться во все стороны. Вот янтарная смола на стволе ели, которая каплями медленно-премедленно стекает вниз. Если случайно дотронуться до неё, то потом очень трудно очистить пальцы и к ним всё начинает прилипать. Вот большой муравейник. Если смочить травинку слюной и положить её на муравейник, а через минуту облизать, то во рту будет кисло-прекисло так, что челюсть сводит. Это от муравьиной кислоты. Точно также сводит челюсть, если вспомнишь вкус лимона. Вот паук раскинул свою белую паутину от одного ствола дерева до другого. Сам сидит в центре паутины. У него было изображение черепа на спинке, и я немножечко его боялся.

Мы ещё не знали, какие грибы можно есть, поэтому их

не собирали. Зато каждый из нас знал, что такое земляника. Земляники в лесу было видимо-невидимо. Только надо было найти такую полянку, где она растёт. Рядом с нашим детским садом был пионерский лагерь. Пионеры брали над нами шефство. В лесу воспитательница старалась держать нас вместе где-нибудь на полянке, на виду. С шефами-пионерами мы могли углубляться в лес. Пионеры помогали нам искать землянику и даже собирали её для нас. Было очень вкусно и весело. Один раз я с двумя пионерами зашёл далеко в лес и мы не услышали, что наша группа собирается уходить. Вдруг до нас донеслось: «Саша! Саша! Саша!...» Это вся группа хором вместе с воспитательницей звала меня. Мы быстро побежали и уже через минуту я был в строю. Мы шли парами. При этом самые удачливые вставали первыми, а самые неповоротливые замыкали нашу колонну. Обычно вторая пара затягивала стишок-считалочку:

Первые – горелые,
Вторые – золотые,
Третьи – пушки,
Четвёртые – лягушки,
Пятые – воры,
Шестые – обжоры.
Седьмые – красивые,
Восьмые- ленивые.

Дальше все смеялись и уже не считали, восьмые старались

обогнать седьмых, чтобы быть красивыми.

Однажды завхоз нашего детского садика, дядя Миша, поймал большую крысу. Он посадил её в клетку, а клетку выставил на летнем столике во дворе. Мы ходили смотреть на крысу, несмотря на то что её боялись. У крысы были большие зубы и длинный розовый хвост. Близко к клетке мы не подходили и гадали, может ли она перегрызть железные прутья или нет? На следующий день ни клетки, ни крысы на столике уже не было. Между нами прошёл слух, что она всё-таки перегрызла прутья и убежала.

Летом самым главным днём я всегда считал родительский день. Однажды ко мне приехали мама, папа, тётя Аня, дядя Лёня, бабушка Капа и её сестра, которую я звал тётя Наташа, потому что она была ещё молодая. Они доехали на электричке до станции «Лопасня», а потом шли пешком три километра до нашего детского сада. Мы ушли на целый день и расположились под большой разлапистой елью на опушке леса. Мама расстелила скатерть и на ней, как в сказке, появились разные кушанья. Взрослые расселись вокруг скатерти, а я бегал вокруг всей этой толпы. Потом мы с папой пошли в лес собирать землянику. Я показывал ему полянки, где она растёт. Обрато я возвращался с большим букетом из земляники, в котором вперемежку были цветочки, зелёные и малиново-красные ароматные ягоды. После еды и чая из термоса все играли в лото. Лото было любимой игрой бабушки Капы и тёти Наташи. Мне всегда нравилось, как папа

выкрикивает цифры. Особенно нравились такие названия, как «барабанные палочки», «стульчики», «топорики», «салазки», «восемьдесят восьмое марта», «дед».

После родительского дня мои друзья и я делились впечатлениями друг с другом. Мы рассказывали, перебивая друг друга, как здорово провели этот день. Каждый норовил похвастаться чем-то особенным, что произошло в этот день. Может быть на самом деле ничего особенного не произошло, но нам очень хотелось, чтобы этот день был особенным, потому что мы его провели с нашими родителями и родными.

В конце лета нас, отдохнувших и нагулявшихся на свежем воздухе, привезли на автобусах обратно в Москву. Всех детей встречали родители. Мама купила мне огромную, сочную и сладкую-пресладкую грушу. Я ел её и взахлёб рассказывал маме о своих летних приключениях. Грушевый сок большими янтарными каплями стекал по моему подбородку и капал на землю.

Приключения в деревне

Летом моя мама решила поехать со мной в деревню Хованщино, где она родилась. Она сказала, что нужно отдохнуть и набраться сил перед первым классом. Так совпало, что на заводе, где мама работала, по графику подошёл отпуск именно на август месяц.

Мне было семь лет. Мне всё было интересно, тем более первая поездка на настоящем скором поезде до города Ртищево. Поезд отправлялся в восемь часов вечера с Павелецкого вокзала и приходил в Ртищево рано утром на следующий день. Мы ехали в плацкартном вагоне. Всю дорогу я как замороженный смотрел в окно. Несмотря на большую скорость поезда, я успевал рассматривать железнодорожные переезды со скоплением машин перед закрытыми шлагбаумами, стада коров, пасущихся на полях, людей, копошащихся на своих огородах. Из деревьев мелькали в основном ели и берёзы. А когда взрослый мальчик, едущий с нами в одном купе, показал мне километровые столбы, то я стал также следить за тем, на сколько километров мы отъехали от Москвы. Я продолжал смотреть в окно, даже когда совсем стемнело, угадывая силуэты мелькающих деревьев. К сожалению, нужно было спать, и я полез на вторую полку.

Утром я проснулся от дребезжания ложек в стаканах с чаем, которые нам принесла проводница. Гранёные стаканы

стояли в железных подстаканниках, и от них шёл аромат свежезаваренного чая. Наскоро позавтракав, потому что я никогда не любил долго есть, я забрался на свою полку и с большим удовольствием смотрел в окно целое утро.

Мы высадились на станции Ртищево. Здесь я узнал, что нам предстоит пересадка на другой поезд, который назывался литерным, до станции Беково. Для меня это было дополнительное приключение, и я с интересом осматривал необычные вагоны литерного поезда. Вагоны были старой модели, но выглядели очень ново, свежо и красиво. Я сразу обратил внимание на большие окна и широкие столы в купе. Вагон был общий. Лавки были красивые, как будто сложенные из отполированных светло-жёлтых деревянных брусочков, покрытых блестящим лаком. Спальных мест в нём не было, потому что ехать нам надо было всего два часа.

Когда мы проезжали сёла и деревни, то я увидел, что некоторые избы покрыты обыкновенной жёлто-серой соломой. Если изба была богаче и представительней, то она уже была покрыта блестящим железом. Пейзаж за окном изменился: колосились поля поспевающей пшеницы, больше стало яблоневых садов, елей не было вообще. То здесь, то там появлялись белые проплешины из песка, местами покрытые лопухами мать-и-мачехи. Солнце играло яркими блёстками на поверхностях небольших речек и прудов. Чувствовалась близость юга.

Сойдя с поезда, мы быстро прошли на привокзальную

площадь. Здесь прибывающих на литературном поезде уже ждал рейсовый автобус, который и повёз нас в деревню Хованщино. Двенадцать километров мы ехали в переполненном автобусе сначала по ровной асфальтовой дороге, а потом – по грунтовой с ямами и колдобинами.

Наконец мы приехали в деревню. Автобус остановился у единственного на всю деревню продуктового магазина, от которого нам ещё предстояло идти один километр до дома. Было около двенадцати часов дня. Солнце пригревало достаточно сильно, и мы стремились быстрее попасть в прохладную тень. На пороге избы нас встречала бабушка Домна, родная тётя моей мамы по отцу, с невесткой Зинкой, которая сидела с годовалым сыном Юрой. Сын бабушки Домны Толька был на подрядной работе в колхозе, потому что колхозником не был.

Мне было удивительно слышать, как дядю Толю, который был старше моей мамы, все в деревне называют Толькой, а его жену тётю Зину – Зинкой. Таковы были здешние нравы и традиции.

Нас радушно встретили и разместили в светлой горнице. Изба была сделана из толстых брёвен, как в сказке о Машеньке и Медведе, одноэтажная, однако покрыта, не соломой, а блестящим железом. Она находилась на главной улице деревни, которая называлась Большая. По обеим сторонам этой длинной улицы находились избы с приусадебными участками. Палисадники перед избами были огорожены

невысоким штакетником. Вход на палисадник был только со двора. Особенностью всех участков было то, на них не было ни ворот, ни калиток. Друг от друга участки были отгорожены высоким, в рост человека, плетнём. На каждый участок был достаточно широкий проход с улицы. По этому проходу можно было или проехать на телеге или прогнать скотину.

Войти в нашу избу со двора можно было через этот же проход. Небольшое крылечко в три ступеньки, без перил поднималось к деревянным дверям. Сначала ты попадаешь в сени. Сени – это холодная пристройка к основному дому, где хранятся всякие бытовые принадлежности и хозяйский инвентарь: деревянная кадка и два цинковых ведра с питьевой водой, стоящие на скамейке, большой колун, острый топор, лопаты, грабли, вилы и т. д. В сенях также была отдельная комнатка с одним маленьким окошком и кроватью, на которой можно было спать летом.

За массивной деревянной дверью, обитой утеплителем снаружи, были две чистые комнаты дома – горница. В горнице, слева находилась большая русская гладкая выбеленная печь. В правом красном углу большой комнаты, наискосок от печи, на самом видном месте на полочке стояла икона Божией Матери и всегда горела лампадка. Два окна напротив входа были постоянно задёрнуты белыми занавесками. Перед окнами стоял большой стол с двумя широкими скамейками. Справа от стола стоял новенький сервант с посудой. Между окон, на стене висели фотографии дяди Толи и тётки

Зины в резной деревянной рамке. На левой стене висели фотографии бабушки Домны с мужем и других родственников.

Слева, сразу за русской печью, был вход в спальню. В спальне также было два окна. Они были завешены плотными занавесками так, что в комнате был полумрак. Русская печь, находящаяся в центре дома, другой стороной выходила в спальню. Широкая железная кровать, находилась слева от входа у стены, рядом с печкой. Кровать была высокая сама по себе, а три подушки, положенные друг на друга в порядке убывания по размеру, создавали впечатление, недостижимости. В всяком случае я не дотянулся бы рукой до верхней подушки. Юрочка спал в люльке, подвешенной к потолку.

Между мамой, бабушкой Домной и тётёй Зиной начались разговоры, а я вышел во двор и огляделся. Перед домом лежал огороженный плетнём участок, который спускался вниз к маленькой речке. За речкой опять был подъём, который переходил в бескрайнее поле, засеянное пшеницей. Справа от поля начинался лес, который простирался до горизонта. От вида такой широкой панорамы природы захватывало дух. Тишину нарушали лишь жужжание пчёл и шмелей и зудение мух. Воздух был прозрачный, свежий, особенный, совсем не похожий на московский. В Москве я уже успел привыкнуть к запаху газов из выхлопных труб машин, которые ездили по Нижегородскому шоссе. Здесь же хотелось набрать свежего воздуха полную грудь.

Прямо у порога дома была натопанная земля, по которой

важно ходил петух с ярким разноцветным хвостом. Суетливо бегали пёстрые бело-серо-коричневые курицы и искали чего бы поклевать. Причём коричневый цвет был не одно-тонный, а различных оттенков: от светлого до тёмно-коричневого. Смешение всех этих разноцветных пёрышек и придавало курицам пестроту. Куриц было штук десять. Я сразу обратил внимание на одну пёструю курочку, с подраненной ногой. На её правой ноге не было двух пальцев, поэтому курочка немного прихрамывала, приваливаясь во время ходьбы на одну сторону. Мне стало жалко её и я стал высматривать, чем бы её подкормить. Ещё с детства я знал, что червяки, главное лакомство кур, водятся под камнями. Но камней рядом я не увидел. Скоро моё внимание переключилось на дворовые постройки.

Слева находился длинный сарай с двумя входами, где содержалась скотина. Дядя Толя сказал, что он называется хлев. Я заглянул внутрь хлева. Хлев был пустой, потому что корова и овцы были ещё на пастбище. На земле лежал огромный кусок каменной соли, которую любила лизать корова. На меня пахнул непривычный запах навоза. Но я не отворотил носа, потому что такой запах в деревне – это её неотъемлемая часть и принял его, как необходимость. Пряные и сладкие запахи трав, которые доносил до меня ветер со всех сторон, перебивали неприятный запах от навоза. За хлевом была деревянная будка уборной. А за уборной возвышалась большая куча коровьих лепёшек, которые слу-

жили удобрением для садового участка.

Справа на участке были ещё один сарай. Дверь в него была закрыта. На ней висел большой замок, ключ от которого был у дяди Толи. Потом я узнал, что это амбар, в котором хранятся продукты: зерно, мука, стеклянные банки с квашеной капустой, мочёными яблоками, солёными грибами, яблочным и смородиновым вареньем. К амбару был пристроен курятник. Рядом с курятником была сложена поленница берёзовых дров. Перед поленницей стоял широкий деревянный чурбан.

Наш яблоневый сад начинался от площадки у порога избы и тянулся почти к самой речке. Был август месяц и на некоторых деревьях уже рдели довольно крупные яблоки. Тётя Зина рассказала мне, как они называются. Здесь были такие сорта яблок, как белый налив, который поспевал раньше всех, ранет, штрифель, апорт, но больше всего было антоновки. Антоновка поспевала позже всех остальных яблок. Вся земля под яблонями была почему-то засеяна овсом. Слева от сада, вдоль хлева шла тропинка, мимо одиноко стоящего домика уборной в конце сада, до самой речки.

Я обошёл дом и вышел в палисадник. В палисаднике росли густые кусты чёрной смородины и крупные жёлтые цветы. Цветы росли не на клумбах, а кучками, где ни попадя: у стены дома, вдоль забора из штакетника, просто между кустов смородины. В одном месте впритык к стене дома буйно разрослась бузина, которую я вначале перепутал с рябиной.

На мой вопрос, зачем нужна бузина, тётя Зина отвечала, что бузина отгоняет своим запахом мышей и крыс. Бузина также устраняет неприятные запахи, например, бензина или керосина, если потереть ладонями её листья или ягоды.

Потом меня позвали обедать. Я ел быстро и никогда не наслаждался едой, которую мне дают. Я любил есть всё, кроме варёных овощей: капусты, лука, моркови. После обеда, прихватив с собой кусок хлеба, я выскочил во двор. Найдя колченогую курочку, я стал кормить её хлебом. Другие курицы также подбежали и стали вырывать кусочки хлеба у моей курочки. Я отгонял их подальше и пытался накормить только свою пеструшку.

Ближе к вечеру пришёл с работы дядя Толя. Увидев, что в вёдрах закончилась вода, он собрался пойти к колодцу. Я подошёл к нему и сказал

– Дядя Толя, я хочу помочь тебе принести воды.

Дядя Толя переглянулся с моей мамой, дал мне два пустых ведра и сказал:

– Хорошо, иди и набери воду. Я приду попозже, чтобы отнести вёдра домой.

Я с энтузиазмом схватил два больших ведра и помчался к колодцу. Колодец был недалеко, на другой стороне улицы через один дом. На улице находилось несколько ребят моего возраста и постарше. Они с любопытством наблюдали за мной. Подбежав к деревянному колодцу, я поставил вёдра на землю и сначала заглянул в него. Изнутри колодца

повеяло прохладой. Колодец был глубокий, метра три-четыре. В зеркальном квадрате воды отражалось голубое небо, моя белобрысая голова и деревянный барабан с накрученной толстой металлической цепью. Эта цепь заканчивалась крючком с защёлкой. Я даже не подумал, а смогу ли вытянуть полное ведро воды. Первым делом хотелось как можно быстрее прицепить ведро. Я взял ведро, наклонился с ним в колодец и на вытянутых руках попытался отжать защёлку. Одно неверное движение и... ведро полетело вниз и шлёпнулось в воду. Я подумал – это не беда, попробую нацепить второе ведро. Но и второе ведро полетело вниз вслед за первым. Подбежавшие деревенские ребята стали кричать мне:

– Нужно быстрее принести кошку, пока вёдра не утонули и плавают на воде.

Я стремглав бросился домой. Влетев в дом, я начал искать кошку, рассказывая маме и дяде Толе про упавшие в колодец вёдра. Дядя Толя сразу побежал куда-то, а я, найдя нашу кошку, бросился с ней к колодцу. Я бежал к колодцу и думал, как же кошка сможет достать вёдра? Кошка вцепилась в меня когтями и от недоумения начала мяукать и вырываться. Я ещё крепче прижал её к себе, несмотря на боль, причиняемую когтями. Когда ребята увидели, что я принёс кошку, то начали смеяться. Некоторые даже покатывались от хохота. Я же был в недоумении. Я держал кошку и думал, бросать её в колодец или нет. Кошка ещё крепче вцепилась когтями в мою рубашку, как будто читала мои мысли. Она явно

не выказывала желания прыгнуть в холодный колодец. Скоро подбежал дядя Толя с длинной палкой, на конце которой был железный трезубец. Он аккуратно подцепил и вытащил по очереди оба ведра. Дядя Толя сказал мне:

– «Кошкой» называется этот багор с тремя крючками.

Я выпустил кошку, которая от шума и смеха ребят и, наверное, от страха пустилась наутёк обратно домой. Я шёл следом за дядей Толей, который нёс домой два полных ведра воды, и сокрушался, что не смог прицепить вёдра.

Наступил вечер. Начало смеркаться. Бабушка Домна сказала мне:

– Сейчас погонят стадо. Иди, посмотри.

Я побежал на улицу, чтобы посмотреть на стадо. Впереди стада, по широкой грунтовой улице важно шёл огромный бык. Он был темно-коричневого цвета с крупными острыми рогами. Его большие лиловые глаза равнодушно смотрели перед собой. Я немножко забоялся его и спрятался за штакетник. За быком степенно шли коровы. Коровы были коричневого цвета с большими белыми пятнами и разводами. Наверно коровы были умными, потому что они безошибочно узнавали, куда им сворачивать с дороги. Наша корова тоже уверенно сама повернула к нашему дому и пошла в хлев.

За коровами шли овцы, бараны, козы и козлы. У нас были только овцы. Бабушка Домна вышла на улицу, чтобы загнать наших овец в хлев. Десяток овец с бляньем забежали в своё отделение хлева.

В белой пыли, которая клубилась за стадом, шёл пастух с длинным-предлинным кнутом. Он ловко им размахивал и очень громко щёлкал. Вместе с ним шли два подпасака, двое мальчишек подросткового возраста. У них тоже были кнуты, но только короче. Ребята также щёлкали кнутами. Мне сразу же захотелось научиться также громко щёлкать кнутом. Наконец совсем стемнело, и я пошёл в дом.

Вскоре бабушка Домна принесла крынку парного молока. Мне налили целую кружку. Я попробовал молоко. Оно было тёплым и пахучим. Запах был особенный, коровий. Я не привык пить тёплое молоко, когда не болен. Поэтому я сказал:

– Поставьте молоко в холодильник, чтобы оно остыло. Я попью потом.

Но холодильника у них не было, поэтому молоко отнесли в погреб. Мы поужинали. Так как телевизора в избе не было, через некоторое время все пошли пораньше спать.

Я привык вставать рано утром. Солнце только что поднялось над взгорком по другую сторону ручья, напротив избы. Я вышел во двор и обратил внимание на двух ласточек, которые кружили вокруг дома. Притаившись, я стал наблюдать за ними. Вдруг одна ласточка спикировала к дому и прицепилась к какому-то круглому наросту у бревна под крышей. Это оказалось шаровидное ласточкино гнездо, вылепленное из комочков земли, с малюсеньким входом в виде дырочки. Ласточка юркнула внутрь гнезда. Я только удивился, как ей удалось там поместиться.

Ещё с вечера я заметил спелое красное яблоко на одной из яблонь. Пробравшись через растущий овёс, я сорвал его и тут же откусил. Оно было кисло-сладкое, с особенным ароматом, поэтому я съел его с удовольствием.

Бабушка Домна уже подоила корову и выгнала её в стадо. Она заметила, что я вышел из сада, подозвала меня и строго спросила:

– Что ты делал в саду?

– Я увидел спелое красное яблоко, сорвал его и съел.

– По саду ходить нельзя, потому что там растёт овёс. Ты его, наверное, помял.

Она прошла к тому месту, где я прошёл по овсу. Увидев борозду примятого овса, бабушка Домна даже всплеснула руками:

– Не смей больше ходить по овсу! Только будет ругаться.

– А как же мне есть яблоки?

Мой вопрос повис в воздухе, потому что бабушка Домна пошла и пожаловалась моей маме. Мама мне строго-настро-го наказала больше по овсу не ходить и яблок не рвать.

Только после этого бабушка Домна успокоилась и пошла кормить кур пшеном. Я вызвался ей помочь. Взяв горсть пшена, я стал искать свою колченогую курочку. Осторожно подойдя к ней, стал сыпать зерно прямо на землю перед курочкой. Она сначала боялась меня, но потом стала клевать пшено, потихоньку приближаясь ко мне. Я попробовал кормить её с руки, как когда-то кормил голубей на ВДНХ, когда

мы с мамой ездили на выставку. Однако, курочка боялась и никак не хотела клевать пшено с ладони.

Я спросил бабушку Домну, где мне взять червяков. Она ответила, что червяки водятся в навозной куче. Если отвернуть коровью лепёшку, то можно увидеть червяков. Дядя Толя, когда ходил на рыбалку, всегда набирал червяков из навозной кучи. Я схватил детскую лопатку, банку из-под рыбных консервов и побежал к навозной куче. Запах от навозной кучи был не сильный, потому что лепёшки в основном засохли. Я подковырнул одну лепёшку, лежащую с краю кучи. Действительно, под ней было очень много червяков. При чём, червяки были не такие длинные и толстые, как дождевые, а красные, небольшие. Я сразу набрал почти полбанки червяков и поспешил к своей курочке. Курочка клевала червяков и благодарно посматривала в мою сторону.

На завтрак тётя Зина налила мне кружку сливок. Сливки были холодные, только что из погреба, поэтому я с удовольствием выпил всю кружку. Тётя Зина смотрела на меня, качала головой и говорила:

– Какой же ты бледненький и худенький.

На что мама ответила:

– Городские дети все такие.

Ко мне в гости пришли соседские дети: девочка лет семи и мальчик постарше. Их папу дядя Толя звал Гарась. Наверно это искажённое имя Герасим, но все в деревне звали его Гарась. Я хотел назвать им своё имя, но мальчик сказал:

– Мы знаем, что тебя зовут Саша, и ты приехал к нам в деревню из Москвы. Меня зовут Сеня, а это моя сестра Люба.

Мы стали играть в мяч, который они принесли. Потом мы бегали на речку смотреть на пескарей, которые прятались за камнями в прозрачной воде. Пескари были пятнистые и усатые. Их было трудно отличить от светло-коричневого цвета песка на дне реки. Сеня и Люба показали мне, в какой стороне находится ближайший родник. Мы договорились, что когда-нибудь пойдём к нему за водой. Мы посмеялись над тем, как я хотел с помощью нашей домашней кошки вытащить вёдра из колодца. Время пролетело быстро. Мама позвала меня обедать. В приподнятом настроении я прибежал домой.

Мама сказала, что на первое будет куриный суп, потому что к нашему приезду тётя Зина зарезала одну курочку. Я заподозрил неладное дело. Быстро вскочил из-за стола и убежал во двор. Я стал высматривать мою колченогую курочку. Её нигде не было. Тут я увидел окровавленный чурбан, на котором кололи дрова для печки. Рядом с чурбаном лежал топор и голова курочки с закрытыми глазами. Я узнал бы её из тысячи. Я с воплем бросился в избу.

Говорить я не мог, слова застревали в моём горле, вырывались только какие-то нечленораздельные звуки. Я обливался горячими слезами и никак не мог успокоиться. Я отказался наотрез есть суп из моей курочки. Я ревел от обиды за курочку и корил тётю Зину за то, что она отрубила ей го-

лову. Тётя Зина искренне не понимала, почему я жалею курочку и не хочу есть суп. Я долго не мог прийти в себя. Мама уложила меня в постель. Проплакав ещё немного, я заснул.

Мне снилась пёстрая курочка, которую я кормил красными червяками. Она клевала червяков и удивлённо смотрела на меня, как будто спрашивала: откуда взялся этот мальчик? Я бегал вокруг, смеялся и подкладывал курочке новых червяков.

Секрет

В деревню Хованщино я обычно ездил с тётей Аней, старшей сестрой моей мамы, и дядей Лёней, её мужем. Мне нравилось ездить с ними, потому что они меня очень любили и всегда играли со мной в различные игры. Дядя Лёня научил меня ловить рыбу. В реке Хопёр мы ловили окуней, ершей, краснопёрок и даже подлещиков. В большом пруду, который находился в Вязовке, мы ловили зеркального карпа. Мне уже было двенадцать лет, и я считал себя специалистом по рыбной ловле на удочку. Я уже научился у дяди Лёни секретам завязывания морских узлов из лески на крючке, в зависимости от того есть ли сквозное ушко у крючка или нет. В молодые годы дядя Лёня окончил морское училище и несколько лет работал мотористом на судне. Различные морские узлы он знал, как я таблицу умножения. Дядя Лёня также научил меня готовить подкормку и наживку из теста для карпа. Кроме того, я с удовольствием копал тонких красных червей и складывал их в консервную банку с чернотёмом. В общем, я с большим желанием ездил в деревню, на родину моего дедушки Вани, отца моей мамы и тёти Ани.

В деревне мы обычно останавливались у родной сестры дедушки Вани, бабушки Домны, в деревянной избе из толстых брёвен. Бабушка Домна жила вместе с сыном Толькой и невесткой Зинкой, у которых был сын Юрка семи лет.

В деревне было принято называть всех жителей по именам с окончанием на «ка». Например, Мишка, Васька, Сашка. Наверное, если бы тётя Аня и дядя Лёня жили в деревне, то старшие односельчане и их ровесники звали бы их Анька и Лёнька. Когда я подумал об этом, мне стало очень смешно, потому что и тётя Аня, и дядя Лёня были очень солидными людьми. Дядя Лёня был крупным мужчиной с большим животом. Он работал мастером в «горячем» цехе крупного металлургического завода «Серп и Молот» и знал все секреты горячего проката. Когда он взял меня один раз к себе на работу, то я узнал, что значит «горячий» цех.

Это цех, где вальцовщики стана горячей прокатки раскачивают раскалённые металлические прутки. Они подменяют друг друга каждые двадцать минут, потому что дольше невозможно выдержать жар от раскаленного металла. Зато около их раздевалки находился автомат с бесплатной газированной водой, а на нём стояла баночка с поваренной солью. Пей газировку, сколько влезет. Можно даже её посолить. Тогда пузырьков в стакане будет ещё больше. Я помню, что так напился газировки, что мой живот раздулся и стал немножко похож на живот дяди Лёни.

Тётя Аня тоже была крупной женщиной, работавшей начальником диспетчерского отдела на железнодорожной станции в Москве. Когда тётя Аня с дядей Лёней шли вместе под ручку, то видно было, что идут солидные люди. Я чуть не прыснул от смеха, представив себе такое несоответствие

важности человека и его имени в деревне. С самых малых лет я называл Тётю Аню по-своему: Тютяня. Я так свыкся с этим именем, что даже когда вырос, продолжал её так называть.

Тётя Аня скрывала в себе, как тайны, многие таланты. Одной из этих тайн был её изумительный по красоте голос. Однако в городе у себя на седьмом этаже большого дома она пела редко. Зато в родной деревне она могла в полной мере выразить всё, что у неё накопилось на душе за годы работы в Москве. В деревне, на плодородной, чёрной, как уголь, земле она чувствовала себя в своей стихии. Вот тогда её редкий голос прорывался наружу, как свежий и прозрачный ключ у подножия холма, струился и заполнял всю округу. Голос у неё был плавный, сильный и грудной. Песня лилась как бы из её груди и поражала своей мелодичностью и мощностью одновременно. Ей не нужны были ни микрофоны с усилителями звука, ни аккомпанемент. Такого рода природный дар широко распространён в российских селеньях, когда люди поют для себя, для своей души, а не напоказ. В песне ведущей была она, остальные, что называется, подпевали. Тихим вечером, когда начинаешь слушать тётю Аню, хочется, чтобы мелодия её лилась и лилась, и чувствуешь сильную русскую душу. Тётя Аня умела создать атмосферу праздника, поднять настроение и увлечь интересными идеями.

Тётя Зина работала в колхозе полеводом. Весной этого года бригада тёти Зины посадила целое поле сахарной свёклы

и теперь ухаживала за ним: пропалывала сорняки, подкармливала удобрениями и поливала. Я спросил тётю Зину:

– Наверное, очень тяжело работать на поле в любую погоду?

– Да, нелегко. Но мы уже привыкли. Особенно тяжело собирать свеклу, когда начинаются холода.

– Тогда, может быть подключить к вашей бригаде ещё людей, чтобы они помогли?

Тут вмешался дядя Толя:

– Как же они допустят к своему полю другую бригаду? Ухаживали, ухаживали за полем, а собирать будут другие? На это бригада Зинки никогда не пойдёт. Весь секрет и состоит в том, чтобы именно своей бригадой собрать богатый урожай сахарной свёклы и хорошо на этом заработать.

Тут я понял, что многого ещё не понимаю в колхозном хозяйстве. Сам дядя Толя колхозником не был. Он говорил:

– Платят мало. Я больше заработаю на подрядных работах, как в нашем колхозе, так и в других. Опять же график работ более свободный.

Дядя Толя зарабатывал неплохие деньги, поэтому они смогли позволить себе купить телевизор со средним, как считалось в те времена, экраном. Он стоял в самом тёмном месте избы, в спальне, где занавески всё время были плотно зашторены.

Однажды вечером мы все собрались смотреть художественный фильм «Чапаев» по новому телевизору. В конце

шестидесятых годов телевизоры были с чёрно-белым изображением и не в каждой избе. Я уже видел этот фильм, но с большим удовольствием хотел посмотреть его ещё раз. Юрка же смотрел этот фильм впервые. Он ещё не совсем разбирался, где наши «красные», а где «белые» вражеские войска. Белогвардейский офицер периодически вставлял монокль в свой глаз, чтобы на кого-нибудь внимательно посмотреть или что-то прочесть. Когда он удивлялся, монокль из его глаза выпадал. Офицер опять вставлял его в глаз. Юрка смотрел, смотрел на это, а потом, ничего не понимая, искренне говорит:

– Никак не пойму. Что это у дядьки глаз всё время вылятает да вылятает?

Все засмеялись, а мама стала ему объяснять:

– Это вылятает не глаз, а увеличительное стекло в оправе, которое он использует вместо очков, потому что плохо видит.

В те дни, когда мы с дядей Лёней не ходили на реку Хопёр или на пруд ловить рыбу, я обычно выходил на улицу играть в мяч со своими сверстниками. Слева от нашего дома по улице Большой жили два белобрысых брата моего возраста Мишка и Вовка, а справа – семья, в которой было шестеро детей. Правда, из них моего возраста было только двое, мальчик и девочка, а остальные ребята были постарше. Я очень гордился, что у меня есть такой большой красивый резиновый мяч. В какие только игры мы им не играли! Особен-

но нам нравилось играть в игру «Выбивалы». Между палисадником нашего дома с густо растущими цветами и кустами чёрной смородины, огороженного деревянным штакетником, и плотно укатанной грунтовой дорогой была зелёная лужайка, на которой мы играли в мяч. Все пришедшие на игру ребята делились на две команды. Например, если всего было восемь человек, то наша команда из четырёх человек делилась ещё раз пополам. Двое ребят вставали с одной стороны лужайки, а двое других ребят – с другой. В середине между нами находилась команда соперника также из четырёх ребят. Наша задача состояла в том, чтобы попасть в соперника мячом, то есть выбить его из игры. После каждого броска ребята дружно перебежали в противоположную сторону к тем, у кого мяча не было. Мы, кидали мяч в соперников со всей силы, чтобы они не смогли его поймать. Если же кто-то из соперников поймает брошенный в них мяч, то выбитый игрок опять вступает в игру. В кругу оставались самые быстрые, ловкие и увёртливые ребята. Шум стоял невообразимый. Войдя в азарт, ребята кричали друг другу:

– Пуляй мяч, ну, что же ты, пуляй!

Я тоже старался не отставать от крепких деревенских ребят и изо всей силы орал Мишке, который был в одной команде со мной:

– Пуляй мне мяч, я сейчас выбью вон того рыжего Петьку!

Я быстро разгадал секрет этой игры. Он заключался в следующем. Если Мишка сам выбивать не будет, а просто по-

верху перекинет мне мяч, то у меня будет больше шансов выбить соперника из игры. Вокруг собирались болельщики из малышни, с которыми стоял и наш Юрка. Он очень хотел играть с нами, но старшие ребята, которым было уже по десять-двенадцать лет, его ещё не принимали в игру. Как и остальные болельщики, Юрка кричал:

– Сашка, пуляй быстрее, пока он не отбежал!

Играли мы так долго и до такой степени уставали, что уже не могли быстро перебегать от одной стороны к другой. Домой я приходил весь взмыленный, уставший, но довольный. Тётя Аня говорила мне:

– Саша, ты уже совсем стал похож на деревенского мальчишку. И говоришь также как они: пуляй да пуляй!

Но всё хорошее когда-нибудь кончается. Однажды напротив лужайки остановился велосипедист и тоже стал наблюдать за нашей игрой. Мяч летал из стороны в сторону, выбивая зазевавшихся ребят. Вдруг резиновый мяч отскочил от кого-то и с силой ударился о велосипед. Наверное, он наскочил на какую-то выпирающую из велосипеда острую железку и лопнул. Нашему расстройству не было предела. Мы прогнали невезучего для нас велосипедиста и уныло разбрелись по домам.

Неприятности тоже когда-нибудь забываются. Выдумщица тётя Аня предложила мне сыграть ещё в одну игру. Она подробно рассказала мне правила игры и строго-настрого запретила рассказывать о секрете этой игры кому-то ещё. Иг-

ра же заключалась в следующем. Когда у нас в гостях соберётся много народа, мы проведём сеанс с отгадыванием слов. Кто-то из присутствующих гостей задумывает любое слово, потом говорит его всем окружающим людям, кроме меня. Тётя Аня начинает перечислять различные слова, а я должен угадать слово, которое загадали, остановив на нём тётю Аню.

Однажды вечером к нам в гости пришли бабушка Нюра, золовка нашей бабушки Домны, и её родная сестра, бабушка Рая. После вечернего чаепития все находились в благодушном настроении. Увидев, что собралось много народа, я попросил:

– Тютянь, давай сыграем в игру на отгадывание слов.

– Давай.

Посмотрев на всех сидящих за столом горящими глазами, тётя Аня сказала таинственным голосом:

– Сейчас мы с Сашей проведём сеанс отгадывания слов. Каждый из вас может загадать любое слово, а Саша его отгадает. Он обладает удивительными способностями.

Дядя Толя и тётя Зина недоверчиво переглянулись. Юрка широко раскрыл глаза и немного приоткрыл рот в предвкушении чуда. Остальные не поверили. Особенно бабушка Домна. Она скептически сжала рот, помотала отрицательно головой и стала мыть посуду. Бабушка Домна была высокой и худой женщиной с большими руками. Её лицо и руки были коричневого цвета, поэтому мне всегда казалось, что она очень загорелая. Она редко когда улыбалась. На боль-

ших руках бабушки были вздуты крупные фиолетовые жилы, а пальцы были хоть и длинные, но узловатые. Её недоверчивый взгляд как бы отвечал на слова тёти Ани:

– Всё это ерунда и одно баловство.

Только дядя Лёня загадочно улыбался и хитро на всех поглядывал. Мне показалось, что он знает секрет этой игры. Наступила та вечерняя деревенская тишь, которая совсем отличается от городской тишины. В открытые нараспашку окна и двери с небольшим ветерком врывалась летняя прохлада. Где-то совсем близко, внизу, у ручья стрекотали кузнечики. С дальних дворов доносился лай собак. Слышно было, как в хлеве возятся овцы, и трётся спиной о деревянный косяк двери в своём загоне корова. Это были звуки привычные слуху деревенских жителей и непривычные городскому уху. Дядя Толя сказал:

– Пусть Сашка отойдёт и не подслушивает.

Я встал из-за стола и отошёл подальше, в угол комнаты. Потом дядя Толя очень тихо сказал придуманное слово на ухо тётке Ане. Все стали ждать отгадки. Тётя Аня начала чётко и громко говорить слова, а я отвечать:

– Дерево.

– Нет.

– Лампочка.

– Нет.

– Бревно.

– Нет.

– Яблоко.

– Нет.

– Коза.

– Нет.

– Муха.

– Да.

Бабушки Нюра и Рая всплеснули руками и стали обсуждать между собой мои способности. Юрка открыл рот и ничего не мог произнести. Тётя Аня сказала ему:

– Юрка, закрой рот.

Но дядя Толя не удивился тому, что я отгадал слово, и сказал тёте Ане:

– Сашка слышал, как я тебе говорил это слово.

Тётя Аня быстро скомандовала:

– Саша, выйди на крыльцо и закрой дверь. Кто ещё хочет загадать слово?

Я без лишних разговоров вышел из горницы через сени на крыльцо и плотно закрыл дверь. Единственная лампочка без плафона, горевшая над крыльцом, освещала часть двора перед домом. В глубине двора темнели силуэты яблонь. Чёрное небо было усыпано яркими звёздами, как площадка в курятнике, выстланная тёмным картоном, на котором было разбросано жёлтое пшено. Куры громко ступали по картону и ещё громче били по нему своими клювами, глотая мелкую крупу. Из-за косогора выплывал жёлтый диск полной луны, похожий на чуть зарумянившийся блин. Вдруг где-то завыв-

ла собака. От яблонь поползли пока ещё бледные и длинные тени, которые вносили в окружающий ночной пейзаж что-то мистическое и тайное. Неизвестно откуда доносились однообразные рулады сверчка. От сарая тянуло запахом свежескошенного сена. Я вдыхал свежий вечерний воздух и гордился про себя, что так легко можно всех обвести вокруг пальца. Из открывшейся двери выглянул Юрка:

– Иди, тебя зовут.

Я вернулся в горницу. Несколько пар любопытных глаз устремились на меня, как бы спрашивая:

– Ну, что, неужели и теперь отгадаешь слово?

Я даже не спросил, кто загадал слово. Тётя Аня была настроена решительно и строго спросила меня:

– Саша, ты готов?

– Да.

– Тогда отвечай. Мяч.

– Нет.

– Рубашка.

– Нет.

– Штаны.

– Нет.

– Стол.

– Нет.

– велосипед.

– Да.

Бабушки снова заахали. Юрка открыл рот. Тётя Аня де-

ланно строго сказала:

– Юрка, закрой рот.

Больше всех женщин распереживался дядя Толя:

– Анька, ты подаёшь ему какой-то знак. Пусть Сашка выйдет в сени. Дверь в горницу сначала закроем, чтобы загадать слово, а потом откроем. Пусть Сашка отвечает из-за двери, чтобы его не было видно.

Мне пришлось подчиниться, и я вышел в сени. Дверь в горницу плотно прикрыли. Опять неизвестно кто загадал слово. Вдруг Юрка распахнул дверь, но внутрь меня не позвал. Дядя Толя сказал:

– Сашка, стой там и не выглядывай. Анька, говори.

Тётя Аня опять начала перечислять слова, а я отвечать:

– Печь.

– Нет.

– Трава.

– Нет.

– Грибы.

– Нет.

– Сено.

– Нет.

– Корова.

– Нет.

– Телевизор.

– Да.

Теперь даже у дяди Толи не нашлось аргументов, чтобы

придаться. Он искренне не понимал, как это мне удаётся отгадать слово. Юрка хотел было открыть рот, но увидев, как внимательно смотрит на него тётя Аня, плотно сжал губы. Приглашённые бабушки уже были готовы поверить в мои сверхчеловеческие способности. Видно было, что дядя Лёня внутри себя покатывается с хохоту. Его глаза блестели, а на лице играла довольная улыбка. Бабушка Домна недовольно кряхтела. Дядя Толя не выдержал:

– Скажите, как вам удаётся это делать? В чём здесь секрет?

Я молчал. Удовлетворённая тем, что никто не может разгадать секрет игры, тётя Аня сказала:

– Если раскрыть секрет игры, то больше неинтересно будет играть. Может быть, мы ещё когда-нибудь сыграем.

Две бабушки разочарованно заворчали. Бабушка Домна сказала сквозь зубы, потому что передних зубов у неё не было:

– В этом есть какой-то фокус и обман.

Юрка тянул меня за руку и хныкал:

– Сашка, скажи мне секрет, я больше никому не расскажу.

Я одёрнул руку и не проронил ни слова. Гости начали расходиться, обсуждая заданную им загадку. Дядя Толя продолжал ломать голову, но так ни до чего и не догадался.

На следующий день и позже Юрка опять стал приставать ко мне с вопросом о секрете игры. Я лишь отмахивался от него, как от назойливой мухи. В конце концов, Юрка

от меня отстал.

Через некоторое время тихим вечером мы опять предложили сыграть в игру на отгадывание слов. Уж очень мне хотелось опять показать всем свои «сверхчеловеческие» способности, как будто в меня вселился какой-то буравчик и подзуживал меня изнутри. Однако в ответ от дяди Толи мы услышали:

– Какой смысл в этой игре. Сашка всё равно отгадает. Так нечего и играть.

В его словах чувствовалась обида на то, что его не посвятили в тайну игры. Бабушка Домна равнодушно протирала пыль на полках. Юрка насупился и молчал. Только тётя Зина разливала в чашки чай и примирительно улыбалась. Игра на этот раз не состоялась.

Утром, перед отъездом в Москву я позвал Юрку и сказал:

– Юрка, хочешь узнать секрет игры?

Юрка недоверчиво посмотрел на меня, но всё же буркнул:

– Хочу.

– Дай слово, что деревенским ребятам о нём не расскажешь.

– Даю.

– Секрет игры состоит вот в чём. Когда Тютяня перечисляла слова, то перед загаданным словом она называла ключевое слово. Это слово должно обозначать предмет или живое существо на четырёх ногах. Например, собака или овца. После этого слова Тютяня обязательно называла загаданное

слово. Только ты должен внимательно следить за словами, чтобы ключевое слово не пропустить. Ты понял?

У Юрки засияли глаза, потому что он раньше всех, даже раньше своего папы узнал секрет игры. Он радостно и громко ответил:

– Понял!

– Когда я приеду в следующий раз, мы соберём деревенских мальчишек и девчонок и также разыграем их. Я буду называть слова, а ты будешь отгадывать. Ты согласен?

От внезапно свалившегося счастья Юрка закричал:

– Конечно, согласен! Ура!!!

Он бросился из избы на улицу и побежал к зелёной лужайке, на которой играли деревенские ребята. Юрка бежал и размахивал руками от радости и с большим воодушевлением кричал:

– Я знаю, как играть в эту игру! Я знаю её секрет! Теперь мальчишки обязательно примут меня в игру «вышибалы», но я всё равно не выдам им этого секрета!

Лучи яркого солнца переливались всеми цветами радуги на росе, лежавшей на изумрудной траве. Юрка кругами носился между ребятами по мягкой лужайке и радостно кричал. Малышня перестала играть и с большим удивлением смотрела на радостное и очень счастливое Юркино лицо, обращённое к светлому небу. Юрка, раскинув руки в стороны, выписывал замысловатые кренделя, как будто летел на самолёте, и сверху, скосив хитрые глаза, снисходительно погля-

дывал на малышню. Он чувствовал некоторое превосходство над ними, потому что только ему был известен секрет такой захватывающей игры.

Маленькое государство

Высокие стройные зелёные ели, как военные стражи, одетые в униформу, окружали трёхэтажное здание нашего пионерского лагеря. Плотный лес подходил к самому забору, который большим четырёхугольником охватывал само здание, спортивный стадион, летнюю эстрадную площадку и небольшой сад из сирени, розовых кустов и цветочных клумб. Казалось, что солнце выходит из-за верхушек елей, чтобы только в обеденное время осветить это пространство, свободное от деревьев. Всё остальное время длинные тени деревьев покрывали всю территорию пионерского лагеря. Если же на небе появлялись большие фиолетово-малиновые тучи, предвестники дождя, то в пионерском лагере сразу темнело, как будто в обеденное время наступал вечер.

Наш пионерский лагерь находился в Подмосковье, рядом с городом Жуковский, в лесу. Со стороны города, через лес, к пионерскому лагерю вела асфальтовая дорога, которая здесь же и заканчивалась. Въездные железные ворота запирались на ночь сторожем. На противоположной стороне был проход в лес, который закрывался на ночь большой железной калиткой.

Наверное, если посмотреть на наш лагерь сверху, с высоты птичьего полёта, то он будет казаться маленьким обитаемым островком, этакой карликовой страной, маленьким го-

сударством среди зелёного океана верхушек деревьев, качающихся от ветра, как волны. Здесь были свои законы, свой режим, свой распорядок дня.

В нашем лагере было одиннадцать пионерских отрядов. В первом отряде были самые взрослые школьники, которым было по пятнадцать-шестнадцать лет. Они уже не были пионерами, но почему-то были в пионерском лагере. В одиннадцатом отряде была малышня лет по семь-восемь. Отряды дежурили по лагерю поочерёдно, но начиная только с восьмого отряда, в котором ребятам уже было по девять-десять лет. Одиннадцатый, десятый и девятый отряды не дежурили. Я же был в седьмом отряде, где возраст ребят был одиннадцать-двенадцать лет.

Подъём был в семь утра. Не умываясь, мы бежали на утреннюю зарядку, которая проходила на большом зелёном поле стадиона. Ещё полусонные и зевающие, мы начинали медленно делать упражнения, но постепенно втягивались в процесс и к концу зарядки занимались уже довольно энергично. Завтракал я, как правило, очень быстро, не придавая большого значения тому, что мне положат в тарелку.

После завтрака весь лагерь строился на пионерскую линейку. В обязательном порядке мы повязывали наши красные пионерские галстуки и бежали на стадион к назначенному времени. На линейке выступал начальник лагеря. Он сообщал нам, чем мы будем заниматься сегодня и в ближайшем будущем. Иногда выступали другие работники пи-

онерского лагеря: завхоз, старший пионервожатый, повар и т. д. На утренней линейке, в торжественной обстановке самым достойным пионером, под звуки горна и барабанную дробь, поднимался большой красный флаг нашего пионерского лагеря. Мне тоже ужасно захотелось быть достойным и когда-нибудь при всех поднять флаг на высокий флагшток.

В самом начале нашей смены, которая длилась двадцать четыре дня, нам сообщили, что будет конкурс художественной самодеятельности. Каждый может показать свой талант на сцене актового зала. Как потом оказалось, это было самое главное событие в жизни пионерского лагеря за всю смену. После ужина весь пионерский отряд строился на вечернюю линейку, на которой флаг пионерского отряда торжественно опускался уже другим достойным пионером.

Несмотря на достаточно скучные общелагерные мероприятия, наш отряд жил своей особенной внутренней жизнью.

Каждый день после завтрака, когда не было запланированных мероприятий, мы с пионервожатым нашего отряда Сергеем ходили на прогулку в лес. Вначале нам всё было интересно в лесу. Девочки искали ягоды. Ребята, разбившись на две команды, играли на поляне в футбол. Так продолжалось три или четыре дня. Это однообразие начинало надоедать некоторым из нас. Однажды Андрей, заводила в нашем седьмом отряде, собрал всех ребят на поляне и заговорщицким тоном сказал:

– Я узнал, что за лесом, приблизительно в километре от-

сюда, протекает Москва-река. Вот бы нам потихоньку сбежать к реке и искупаться.

Погода стояла жаркая. Несмотря на то, что лесная поляна была местами покрыта тенью, после футбола мы были взмыленные, как загнанные лошади. Поэтому такое предложение было встречено на ура. Все закричали в ответ:

– Пойдём, искупаемся в реке!

Андрей был рыжим мальчишкой лет двенадцати, с зелёными умными глазами и лицом густо покрытым веснушками. Он был физически крепким, плотно сбитым мальчиком небольшого роста, подстриженный под короткий бобрик, который любил заниматься спортом, лёгкой атлетикой. Он отлично бегал. Например, на спортивных соревнованиях в лагере он пробежал шестьдесят метров за семь целых две десятых секунды. Андрей был спокоен, уверен в себе и самодостаточен. Он поднял руку, как знак всем замолчать, и продолжил:

– Тише! Хорошо, что рядом нет Сергея, и он ничего не услышал. Вы должны понимать, что за это нарушение могут исключить из пионерского лагеря. Предлагаю дать клятву, как у мушкетёров: один за всех, а все за одного! Пообещаем, что мы никогда не выдадим эту нашу тайну кому-то ещё и будем помогать друг другу в беде.

Андрей протянул вперёд свою руку ладонью вверх. Каждый из нас положил свою руку сверху в знак согласия и сказал:

– Клянусь!

Поскольку нас было двенадцать человек, то образовалось некоторое столпотворение вокруг Гены, но каждый почувствовал торжественность момента.

Нам разрешалось разбредаться по лесу для поиска ягод или грибов, поэтому мы решили этим воспользоваться. Единственное условие, которое мы должны были выполнить, это вернуться на поляну в назначенное Сергеем время.

У Миши были самые красивые наручные часы. На белом циферблате были зелёные стрелки, которые светились в темноте. На его часах также была секундная стрелка – предмет восхищения остальных мальчишек. Миша очень гордился ими и говорил, что часы ему подарил папа, директор магазина. Из-за этих часов Миша позволял себе поглядывать на других ребят свысока и даже командовать ими. Миша был рослым, физически сильным мальчиком с барскими замашками. Я видел, что благодаря этим часам он пользуется авторитетом у некоторых ребят. Наручные часы, правда, не такие дорогие, как у Миши, и без секундных стрелок, были ещё у двух ребят, поэтому мы не беспокоились, что опоздаем.

Я, белобрысый и худенький мальчишка одиннадцати лет, тоже с энтузиазмом отнёсся к такой увлекательной затее, как искупаться в реке.

На следующий день все ребята собрались на поляне. День выдался солнечным. Как пройти к реке, знал только Андрей, поэтому мы гуськом устремились за ним. Достаточно быст-

рым шагом, минут через двадцать мы вышли из леса. Невдалеке, за широким лугом мы увидели Москву-реку, которая извивалась, как змея с яркими от солнца блёстками, между заливных лугов. Изумрудная трава, блестящая на солнце, была не очень высокой и расстилалась вплоть до самого берега реки. На этой траве мы увидели отдыхающих и загорающих людей. Оказалось, что мы вышли как раз к пляжу. В самой реке было не так много купающихся. Люди купались, держась ближе к берегу. При этом на другой стороне не очень широкой реки также было много отдыхающих, поэтому на нас никто не обратил никакого внимания.

Мы подбежали к самой воде, быстро разделись до трусов и бросились в воду. Поскольку река была не такой широкой, может быть метров сорок в ширину, то я намеревался переплыть её, отдохнуть и вернуться обратно. Я уже год, как занимался плаванием в бассейне «Москва» и посчитал, что это будет для меня не трудно. Однако, после нескольких гребков «кролем» меня стало сносить вниз по течению. Я понял, что пока я доплыву до другого берега, меня снесёт от пляжа в густые заросли осоки. Я отчаянно стал грести обратно против течения к своему берегу, но течение было столь сильным, что я практически оставался на месте. С большим-пребольшим трудом мне удалось пристать к своему берегу чуть ниже луга. В этом месте росла острая осока, о которую я даже порезал себе пальцы до крови. При этом я совсем выбился из сил, хотя и проплыл в общей сложности несколько мет-

ров. Только после этого я подумал, как рискованно бросаться в воду.

Остальные ребята окунувшись, также вылезли на берег. Так как у нас не было полотенец, то мы немного подождали, немного пообсохли, лёжа на мягкой, как ковёр, траве, и двинулись в обратный путь. Конечно, мы освежились, но удовольствие получили сомнительное. После этого побега мне расхотелось купаться в Москве-реке. Но самые бойкие ребята из нашего отряда продолжали тайно убежать купаться, когда мы ходили на прогулки.

На спортивной площадке было два стола для игры в настольный теннис. В безветренную погоду игра шла без прерыва на обоих столах. Правило было такое: проигравший выбывает, а его место занимает следующий из очереди. Поэтому вокруг теннисных столов постоянно толпились мальчишки и девчонки. Ребята из нашего отряда, умеющие играть в настольный теннис, также занимали очередь, чтобы сыграть партию-другую. Но однажды к нам в палату прибежал запыхавшийся Витя и сообщил, что его место занял какой-то мальчишка из более старшего по возрасту шестого отряда. Витя не был слабаком, но сказал, что тот парень был сильнее и наглее. Он грубо отобрал у него ракетку и стал играть. Мы не смогли смириться с такой несправедливостью и все, кто был на тот момент в палате, человек шесть, направились на спортивную площадку. Когда мы подошли к теннисному столу, этот парень продолжал играть, не обращая ни на кого

внимание. Тогда Витя перехватил рукой посланный парнем теннисный мяч и сказал:

– Сейчас моя очередь играть, отдай мне ракетку.

Парень замахнулся было ракеткой на Витю, но мы надвинулись на него так грозно, что он опешил. Увидев, что нас так много, и мы можем без труда надавать ему по шее, он бросил ракетку на стол, и, что-то прошипев, ретировался. Андрей сказал:

– Один за всех!

Мы ответили:

– И все за одного!

Витя стал спокойно играть в настольный теннис. Играл он мастерски. Ребята сгрудились рядом и стали активно болеть за него, подбадривая выкриками:

– Молодец! Держись! Гаси высокую подачу!

Наверное с нашей помощью Витя выиграл первую партию и продолжил игру с другим соперником, а мы, довольные и весёлые, пошли по своим делам. Меня переполняло чувство гордости за наш дружный отряд. Я подумал, что ребята придут на помощь и ко мне, если я попаду в беду.

Дни тянулись достаточно однообразно. Но вот, однажды вечером, когда все ребята находились в палате, Миша предложил нам поиграть в необычную игру. Он сказал:

– Давайте создадим в нашем отряде настоящее государство с президентом, премьер-министром, министром финансов и обычным народом. В государстве будут свои соб-

ственные деньги. Будем развивать товарно-денежные отношения, учиться торговать. Каждому гражданину нашего государства будет выделено по одной тысяче сантимов. Целью каждого гражданина государства будет заработать или приумножить как можно больше денег для роскошной жизни.

Алёша, русский мальчик с голубыми глазами, спросил Мишу:

– А кто будет президентом?

– Президента, премьер-министра и министра финансов будем выбирать общим голосованием.

– А откуда мы возьмём деньги?

– Министр финансов будет печатать деньги по указанию президента на различные нужды государства. Ну что, согласны?

Все ребята загорелись идеей сделать своё государство и дали согласие.

– Тогда первым делом, нужно выбрать президента. Какие будут предложения?

Тогда Петя в очках с толстыми линзами, который в отряде постоянно читал детективы, как только выберется свободное время, сказал:

– Я считаю, что раз Миша предложил эту игру, то пусть он и будет президентом, тем более, что он лучше других знает, как в неё играть.

После этого предложения все единогласно проголосовали за Мишу.

Миша сказал:

– Спасибо за доверие, постараюсь его оправдать. Президент назначает премьер-министра и министра финансов. Премьер-министром будет Гена, а министром финансов – Лёня.

Миша показал на своих приятелей, с которым он всегда ходил вместе. Мне не понравилось, что Лёня уж очень восхищался часами Миши, как-то заискивающе смотрел на него и даже исполнял некоторые поручения Миши ещё до игры в государство. Лёня был полным мальчиком, который почему-то боялся, что над ним будут издеваться за его полноту, и искал поддержки у более сильного товарища. Этим товарищем он выбрал Мишу, который благосклонно принимал такое его поведение и оказывал ему своё покровительство. Мне подумалось, что в нашем отряде, где существовал принцип: «Один за всех, все за одного», ему и так нечего бояться, но. Наверное, я ошибался и некоторым ребятам, таким, как Лёня, нужна была большая защита, которую он нашёл у Миши.

Гена был красавчиком, который нравился девочкам. Он умел пошутить, был душой компании. С ним всегда было очень весело. Гена, сознавая свою неотразимость и некоторое превосходство, ловко пользовался расположением к себе некоторых ребят, у которых вызывал восхищение своими анекдотами, также, как бы, между прочим, норовя отдать распоряжения. Например, он мог послать Игоря принести

ему яблоко, оставшееся от завтрака и лежавшее в его тумбочке. И Игорь, стремясь заслужить расположение Гены, выполнял его просьбу. Я обратил внимание, что здесь, наоборот, Миша был в первую очередь заинтересован в дружбе с Геной, чем Гена с Мишей.

На следующий день, когда выдалось свободное время, президент с министром финансов стали печатать бумажные деньги – сантимы. Они набрали бумаги различных цветов из кружка рукоделия и стали вырезать купюры определённого размера. Видя, что работы много, руководство государства обратилось за помощью к народу. Все остальные граждане с радостью согласились помочь вырезать денежные купюры. Купюра в один сантим вырезалась из светло-коричневой бумаги, в три сантима – из голубой, в пять сантимов – из синей, в десять сантимов – из красной бумаги. Крупные купюры номиналом в двадцать пять сантимов были фиолетового цвета, в пятьдесят сантимов – зелёного цвета, а номиналом в сто сантимов – тёмно-коричневого цвета. Потом министр финансов на каждой купюре синими чернилами написал её номинал, а президент расписался в правом нижнем углу. Кроме того, на подпись президента министр финансов поставил чёрную печать. В качестве печати использовалась верхняя часть ладьи из шахмат, которые постоянно были у нас в палате, и в которые мы по вечерам иногда играли. Верхушка ладьи была круглой. Линия прерывистой и определённой длины, так что подделать печать было невозможно.

Печать и остатки цветной бумаги хранилась у министра финансов в тумбочке. Работа была проведена очень большая. К концу дня все деньги были подготовлены.

Вечером в торжественной обстановке президент выдал каждому гражданину государства по пятьсот сантимов. Наши души наполнились гордостью от того, что в наших руках оказались такие большие деньги.

Как зарабатывать деньги, президент толком не объяснил, а может быть держал какие-то свои способы их заработать в тайне, поэтому товарно-денежные отношения стали развиваться сами собой, стихийно.

Весь следующий день все ребята с энтузиазмом занимались коммерцией. Каждый достал из своего чемодана, который хранился под кроватью, какие-то вещицы и стал ими торговать. Например, Вова выставил на продажу свои цветные карандаши и альбом для рисования, которые мама положила ему в чемодан, и к которым он не притрагивался уже больше недели. Он хотел получить за них пятьдесят сантимов. Полный Петя достал из чемодана несколько леденцов, которые у него оставались, и предлагал их всем по три сантима за штуку. Даже Дима, который гордился своим амулетом в виде когтя медведя на кожаном ремешке, решил его продать за сто пятьдесят сантимов. Поддавшись общему ажиотажу, я тоже продал свой теннисный мячик и купил две гильзы от автомата «Калашников», которые привёз с собой в пионерский лагерь Витя.

Вещи стали покупаться и продаваться. Было очень весело и интересно. Некоторые вещи перепродавались по два-три раза, пока не установилась их настоящая рыночная цена. Правда, к концу дня выяснилось, что самые ценные вещи, такие как Димин амулет, почему-то оказались у Миши. Миша довольно потирал руки и посматривал, что бы ещё купить.

Потом от купли-продажи вещей, постепенно перешли к оказанию услуг. Всё началось с, казалось бы, безобидной просьбы Игоря:

– Лёня, дай мне почитать свою книгу о Шерлоке Холмсе, в лагерной библиотеке её нет, все книги разобрали.

– Я могу сдать тебе книгу в аренду по десять сантимов за сутки.

– Ладно, я согласен, возьми десять сантимов за первые сутки.

Каждый из ребят нашего отряда старался заработать, как может.

Однажды я с Алёшей играл в шахматы на моей кровати. Остальные ребята сидели или лежали на своих кроватях. Кто-то читал книгу, кто-то просто так отдыхал. Когда я расставлял шахматные фигуры, одна пешка упала на пол и закатилась под тумбочку Игоря. Я сказал Вове:

– Игорьь, подай, пожалуйста, пешку, она закатилась под твою тумбочку

– Дай мне пять сантимов, и я передам тебе пешку.

Я оторвал глаза от шахмат и взглянул на Вову. Наверное, он увидел такое большое удивление, граничащее с презрением в моих глазах, что ему стало стыдно, и он без денег сразу нашёл и передал мне пешку. Но это случилось только один раз. В дальнейшем каждая просьба кого-то из ребят сопровождалась названием суммы в сантимах, которую просил парень, исполняющий её услугу. Все постепенно стали привыкать, что так и надо делать, то есть за услуги надо платить.

Теперь к концу дня, каждый подсчитывал доходы и расходы, искал, чтобы ещё такого продать или купить с выгодой. Помогать друг другу стали только за деньги.

В нашем отряде появилась элита, точнее, элитная троица, к которой все остальные за исключением Андрея и меня, подходили, чтобы что-нибудь предложить купить. Миша внимательно рассматривал вещицу, а потом сам назначал цену покупки. Особенно усердствовал в вопросе, как бы повыгоднее что-нибудь продать или купить, Вова. Он очень ласково общался с Мишей, выторговывая у него несколько сантимов за продававшуюся вещь. Непостижимым образом он находил, что продать. Он продавал карандаши, ластики, яблоко, оставшееся после обеда, свистки, сделанные из косточек абрикоса, прямую палку, вырезанную из орешника и украшенную резьбой и так далее. Чувствовалось, что это ему нравится, и он находится в своей стихии.

Через несколько дней оказалось, что у некоторых ребят деньги подошли к концу, а Миша, Гена и Лёня, не только

смогли купить наиболее ценные вещицы, но и оставались при деньгах, количество которых скрывалось от других.

Андрей прямо спросил Мишу:

– Откуда у тебя такие большие деньги?

– Я издал приказ выдать денежное вознаграждение президенту, премьер-министру и министру финансов ещё по пятьсот сантимов. Руководство государства должно получать больше, чем обычные граждане. Так принято во всех странах.

К сожалению, Андрей на это не смог ничего возразить.

Однажды возник конфликт у Алёши с мальчишками, которые играли в волейбол. Алёша пришёл и пожаловался нам, что его несправедливо не допускают к игре. Нужно было идти разбираться в ситуации. Миша сказал:

– Заплати нам по двадцать сантимов, и мы пойдём. А иначе нам нет смысла нарываться на кулак.

Обиженный Алёша отошёл в сторону.

От нашего бывшего единства не осталось и следа. Каждый стал сам за себя.

У меня был красивый перочинный ножик с перламутровой ручкой, который мне подарил мой крёстный. Миша видел, как я точил простой карандаш. Ножичек ему очень понравился, и он подошёл ко мне:

– Саша, продай мне твой ножичек.

– Я не собираюсь его продавать.

– Я заплачу тебе большие деньги за него.

– Я не продам его ни за какие деньги.

– Я тебе дам столько, что у тебя глаза на лоб полезут!

И Миша показал мне пачку денег общей стоимостью в тысячу сантимов. Но он ошибся. Глаза на лоб у меня не полезли. Что-то меня останавливало от продажи. В конце концов, подумал я, это всего лишь цветные бумажки, ненастоящие деньги, а ножичек настоящий, тем более подарок крёстного. Я мог поиграть в эту игру, покупая и продавая какие-нибудь безделушки, но только не ножик. Поэтому я твёрдо повторил:

– Нет, не продам ни за какие деньги. Лучше скажи, откуда у тебя такие большие деньги?

Миша огрызнулся:

– Это личный президентский фонд.

Он отстал от меня с большим сожалением.

В конкурсе художественной самодеятельности можно было участвовать добровольно. Не было никакой обязательности. Не было обязательного конкурса отрядов. Каждый мог выступить по своей собственной инициативе. Наверное, это и привлекло много желающих. Заявки на выступление в организационный комитет подавались как от групп, так и от отдельных исполнителей. Я предложил ребятам спеть песню по ковбоев, которую я очень хорошо знал. Меня поддержали Витя и Алёша. То, что у меня не было голоса, меня совсем не смущало. Были ли голоса у Вити и Алёши я тоже не представлял. Но у нас было желание выступить от нашего отря-

да, тем более что других желающих не было. Я подал заявку на выступление председателю оргкомитета. Он направил меня к аккордеонисту. С ним я согласовал время репетиций. За неделю до конкурса наше трио стало регулярно посещать репетиции на сцене летней эстрады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.